

Я ли в поле да не травушка была?

Рецитал Нины Раутио

Рязань, 1998. — 11-17
июня — с. 13

Наша публика кротка. Ей и в страшном сне не приснится "забукивать" какую-нибудь Царицу Ночи за смазанную колоратуру (как это делает истэблшмент в Ла Скала) и освистывать какого-нибудь Фигаро за пустячный кикс (как это делают в демократичной Арена ди Верона). Наша публика благодарна за всякую малость... "Нет, — как отрежет Нина Раутио, вспоминая свое январское выступление в ГАБТе после долгого перерыва. — Я чувствую — она ждет крови". Недоразумение? Но состоялся концерт ныне лондонской жительницы в БЗК. И вот наш ответ: крови ждут там, где кровью пахнет.

На эстраде стоял одинокий рояль. За роялем сидела деликатный концертмейстер Елена Савельева. Но Раутио чудился могучий противник — оркестр (без сомнения, вагнеровский). Противника надо было обезвредить. Выбранное певицей оружие: тяжелый свинцовый звук, нещадное форсирование, эмоциональная аффектация. Картина страшной битвы вызвала спазмы в горле и желание бежать куда-нибудь в лес, где заливается хрестоматийный соловейка. Не надрыгает себя, поет, как дышит — себе в удовольствие, окружающим на радость. Почему Раутио так не может?

"Не спрашивай", — отвечает она словами одного из романсов Чайковского, бросая очередную порцию масляной краски на воздушный кисею. Это, расправившись с призрачным оркестром, певица взялась за беззащитного Чайковского. Он пал без сопротивления вместе со всеми своими романсами, заявленными в концерте, а это были: "Прости", "Не спрашивай", "Кабы знала я", "Погоди!", "Я ли в поле да не травушка была", "Вечер", "На сон грядущий", плюс ария Иоанны из "Орлеанской", завершавшая этот первый блок программы. Любопытный, между прочим, блок. Составившие его произведения, во-первых, были в большинстве своем из незапетых, вторых, определенно являли со-

Фото А. РАТНИКОВА

бой некое драматургическое целое, имеющее целью сказать что-то важное. Что-то (смотрим на названия) о несостоявшемся. О мятежно-пасмурном дне жизни и его печальном угасании — вечер, ночь, смерть... Хотелось вслушаться, угадать этот ли, другой ли смысл. Но как, если половина слов съедена, фраза формальна, нюансировка груба, кантилена — рваная тряпица, и надо всем бушует стихия "русского страдания", как его понимает сама певица, — то есть вопль и надрыв?

В истории с Рахманиновым, чьи романсы завершали первое, камерное отделение концерта, все повторилось — и надрыв, и с умом составленная программа, где одинокий созерцатель жизни ("Ночь печальна", "Утро") вдруг страшно и ненужно взбунтуется ("Молитва", "Христос воскрес") и так же вдруг утихнет: "Проходит все", все и прими как есть. Правда, теперь читать сюжет, придуманный Раутио, было легче. Эмоциональные аффекты певицы лишь сильнее высвечивали отвратительность богемных романсов Рахманинова, созерцательная же отрешенность ей удавалась временами просто удивительно — "не жизнь — не

смерть", нарисованная ровным красивым мецца-воче... Чем-то ведь она покорила шесть лет назад Европу — может быть, и этим мецца-воче тоже.

Лирическое отступление: она блестяще начинала свою мировую карьеру. После "Манон Леско" в Ла Скала (где судьба опять свела вечных соперниц Раутио и Гулегину), ее ангажировал в свою команду Лорин Маазель, а Зубин Мета пригласил на "Аиду" в Тель-Авив. С тех пор Раутио и бедная африканка — одно, не найти, наверное, сцены где бы она не пела эту партию (даже наш Большой мечтал пригласить ее в свою постановку). Но теперь Аида, эта "визитная карточка" певицы, в прошлом. Обе замучили друг друга до невозможности. Когда года два назад я слушала ее в веронском спектакле, это была катастрофа, в которой уже читалось то, о чем она объявила на пресс-конференции в Москве: меняю лирическое амплуа на сугубо драматическое. Вот такой вираж: лирико-колоратурное сопрано, каковым ее видели в Ленинградской консерватории, — лирические героини с характером, рука об руку с которыми она выдвинулась в первоклассные певицы, —

тореадор в юбке, каковым она видит себя сейчас. Но примет ли ее в этом качестве мир?

Одного из своих теперешних тореадоров, вердиевскую Леди Макбет, она показала во фрагментах во втором, "оперном" отделении московского концерта. Показала не вовремя, в самом конце, когда уже устала (потому-то, кстати, Вагнер, о котором она мечтает, вряд ли ей дастся в руки — сила голоса что надо, а выносливость из-за форсированного пения — никакая). Уставшая Леди Макбет "сказала" лишь, что эта партия у певицы получить может. И что это тот идеал характера, на который равняются все прочие ее героини. Кого бы она ни пела в московском концерте — Сантуццу ли, Маддалену из "Андре Шенье", не знакомую нам Фиделию из ранней оперы Луччини "Эдгар" — все выходили из ее рук монументальными эффектными персонажами (тут Раутио в своей стихии), но все — удручающе похожими своей агрессивностью на железную Леди. Даже агнец Елизавета из "Дон Карлоса" грозила, повелевала, требовала крови (см. начало этих заметок).

Так и отправились бы мы по домам, воинственно раздувая ноздри, если бы не спела Нина Раутио на бис рахманиновское "Мы отдохнем". Ни кричать, ни взбираться у котурны, ни играть спектакль у нее уже не было сил. Оставалось только одно чувство, зато настоящее — чувство усталости. И спела она этот на самом-то деле претенциозный романс просто, мягко, как колыбельную, которую пела когда-то сыну. Вот тут — браво!

Лариса ДОЛГАЧЕВА

P.S. Этим концертом завершился первый сезон фестиваля "Золотые голоса мира в Москве", организованного компанией "Филип Моррис" и телевизионно-концертным агентством "Жар-птица". Новый начнется 27 сентября концертом Пааты Бурчуладзе (объявленным, но не состоявшимся в мае).